

ПЕРФЕКТ СО СВЯЗКОЙ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» КАК ФОКУСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В. А. Плунгян

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@gmail.com

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
urmana@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются употребления перфектной конструкции со вспомогательным глаголом в «Повести временных лет». В этом памятнике вспомогательный глагол может выступать в препозиции либо в постпозиции по отношению к *l*-форме основного глагола. Традиционно такое варьирование объясняется через различные акцентные характеристики, приписываемые клаузам. В статье предложена альтернативная интерпретация: показано, что перфект во всех своих употреблениях (в противоположность аористу) ассоциируется с фокусным выделением, а препозиция и постпозиция вспомогательного глагола связана с различными типами прагматического фокуса (непредикатный vs предикатный).

Ключевые слова: древнерусский язык, глагол, перфект, вспомогательный глагол, фокусная конструкция.

The Perfect with the auxiliary verb in the Old Russian Primary Chronicle (Povest' Vremennykh let) as a focus construction

V. A. Plungian

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow
plungian@gmail.com

A. Y. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
urmanna@yandex

Abstract. The article discusses the use of the perfect construction with the auxiliary verb in the Old Russian *Primary Chronicle (Povest' Vremennykh Let)*. In this text, the auxiliary verb may appear in preposition or in postposition to the *l*-form of the main verb. Traditionally, this variation is explained through various accent characteristics ascribed to the clauses. In the paper, we propose an alternative interpretation: our analysis demonstrates that the perfect with auxiliary is invariably associated with different types of focalization. We assume that it is focalization that is the main function of the perfect as opposed to the aorist. And it is precisely this pragmatic characteristic that is the main condition for the use of the perfect (statistically, much rarer than the aorist), as the aspectual meanings of both forms fail to explain the choice between them, since aorist is freely used in resultative, and perfect, in non-resultative contexts.

Moreover, different positions of the auxiliary correlate with different focalization types. There is a narrow non-predicate focus in sentences with the auxiliary preposed to the main verb (the focused element in this case is placed before the auxiliary). In contrast, perfects with the postposed auxiliary occur in sentences with the predicate focus (or with a wider focus with contrastive comparison of the perfect situation to any other situation): out of 49 uses of the perfect with the postposed auxiliary, a close context allows to reliably attribute 30 as representing a predicate or wider focus; in other examples, the pragmatic emphasis can be explained by a wider context, though this paper only addresses the most revealing examples. Obviously, such a pragmatic emphasis should correlate with certain accent structures, and thus it does not contradict the traditional accentuation-oriented approach. Rather, we assume that a pragmatic-oriented study of Old Russian perfects can clarify the conditions for the use of various accent contours in perfect clauses. Typologically, such an interpretation of Old Russian perfect uses is quite natural: the use of enclitic components of analytical verb forms for marking communicative focus of a sentence is widely known.

Keywords: Old Russian language, verb, perfection, auxiliary verb, focus construction.

1. Введение

Перфектная конструкция в «Повести временных лет» (по Ипатьевскому списку, далее — ПВЛ) демонстрирует следующие типы формального варьирования: наличие vs отсутствие вспомогательного глагола и препозиция vs постпозиция вспомогательного глагола по отношению к *l*-форме основного глагола. В статье рассматриваются употребления перфектной конструкции со вспомогательным глаголом; показано, что они (в зависимости от позиции вспомогательного глагола относительно *l*-причастия) ассоциируются с различными типами прагматического фокуса. Помимо анализа древнерусского материала в статье также будет обсуждаться вопрос о том, насколько типологически ожидаемы такие функциональные корреляции формальных вариантов перфектной конструкции.

Статья состоит из *Введения* (первый раздел) и шести разделов. Во втором разделе дается обзор различных подходов к объяснению позиции связки во фразе. В третьем приводится статистическая информация по различным типам перфектной конструкции в ПВЛ и обосновывается выбор для анализа определенного круга контекстов. В четвертом разделе обсуждается конкуренция аориста и перфекта. В пятом обсуждается употребление перфекта с препозицией вспомогательного глагола, в шестом — с постпозицией вспомогательного глагола относительно *l*-причастия. В седьмом разделе подводятся итоги исследования и обсуждается, насколько типологически правдоподобным выглядит предложенное в данной работе описание функций перфектных форм в ПВЛ.

2. Объяснение позиции связки во фразе: возможные подходы

Как уже упомянуто выше, в статье анализируются перфектные формы с постпозицией и препозицией вспомогательного глагола. Наша гипотеза состоит в том, что перфектные формы всегда тяготеют к фокусной конструкции, а различное положение вспомогательного глагола коррелирует с различными типами фокуса — предикатным и непредикатным. Предложенный «прагматически ориентированный» подход в каком-то смысле составляет альтернативу (во многом, как мы попытаемся показать, мнимую) хорошо известному исследованию А. А. Зализняка [2008], в котором линейная

позиция связки ставится в зависимость от акцентных характеристик различных типов клауз. Поэтому, прежде чем перейти к прагматически ориентированному анализу перфектов в ПВЛ, необходимо обосновать, насколько вообще такой альтернативный анализ необходим, или же линейную позицию связки в формах перфекта можно удовлетворительно объяснить исходя из акцентных характеристик элементов клаузы.

В книге А. А. Зализняка просодический статус связок в древнерусских памятниках обсуждается достаточно подробно, см. в особенности [Зализняк 2008: 223–238]. Однако анализ материала не позволяет утверждать, что связка ведет себя абсолютно последовательно и ее поведение полностью предсказуемо в рамках предложенной модели расположения элементов в зависимости от их акцентных характеристик.

Так, приведенные А. А. Зализняком данные о позиции связок 1–2 лица в разных памятниках (старославянских и древнерусских) свидетельствуют о том, что последовательной картины их распределения не существует. Во-первых, хотя А. А. Зализняк предлагает единую классификацию клауз на основе их структуры (которая должна имплицировать их различные акцентные свойства), оказывается, что связки 1–2 лица в разных памятниках чувствительны к разным фрагментам этой классификации. Во-вторых, даже в одном и том же типе клауз разные памятники могут демонстрировать различные предпочтения относительно препозиции / постпозиции связки, ср. ниже данные для ПВЛ и Жития Андрея Юродивого. В-третьих, для каждого памятника в результате такого анализа определяется не однозначное распределение препозиции и постпозиции связки в клаузах различных типов, а только некоторые (более или менее строгие) тенденции. Ниже для наглядности мы приводим в сокращенном виде (опустив примеры) соответствующие таблицы из работы А. А. Зализняка [2008: 230–233]:

Синайская псалтирь
Psalterium Sinaiticum

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — редко	Постпозиция — норма
Любые иные клаузы	
Препозиция — отсутствует	Постпозиция — всегда

Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция

Мариинское евангелие

Codex Marianus

Препозиция — namного реже	Постпозиция — namного чаще
---------------------------	----------------------------

Супрасльский кодекс

Codex Suprasliensis

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
Простые клаузы с прилагательным	
Препозиция — namного реже	Постпозиция — namного чаще
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда

Флавий

Flavius

Простые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда

Повесть временных лет

Rus' Primary Chronicle

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — namного чаще	Постпозиция — namного реже
Любые иные клаузы	
Препозиция — редко	Постпозиция — часто

Житие Андрея Юродивого

Hagiography of Andrew the Fool-for-Christ

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
Любые иные клаузы	
Препозиция — несколько чаще	Постпозиция — несколько реже

Киев-Д.

Kyiv-D.

Простые и многоактантные клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
Простые и многоактантные клаузы с прилагательным	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
Тяжелые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже

Берестяные грамоты

Birch bark manuscripts

Препозиция — почти всегда	Постпозиция — очень редко
---------------------------	---------------------------

Приведенные данные по связкам 1–2 лица (демонстрирующие значительное расхождение в поведении связок) А. А. Зализняк объясняет так:

Следует полагать, что в живой древнерусской речи связки всегда размещались во фразе в соответствии с правилами, действующими для энклитик. Наиболее убедительным свидетельством этого являются показания берестяных грамот.

Отклонения от этого принципа, которые обнаруживаются в древнерусских книжных текстах, вероятно, объясняются прежде всего тем, что сочинитель или переводчик мысленно представлял себе, как будет звучать сочиняемая им фраза (может быть, даже проговаривал ее), исходя именно из принятой манеры книжного чтения. Отсюда известная степень свободы от автоматизмов живой речи в расстановке слов. Определенную роль могло играть также прямое отталкивание от живой речи (ср. § 2.25). Еще одним стимулом, действовавшим в том же направлении, могло быть подражание старославянским образцам (о которых см. ниже).

Что касается старославянских текстов, то, по-видимому, в них отразился более ранний этап движения от полноударного статуса связок к энклитическому, чем в древнерусских текстах. Если в живом древнерусском языке XI–XII веков это движение уже фактически достигло своей конечной точки,

то для старославянского языка IX–X веков следует предполагать лишь некоторое промежуточное состояние [Зализняк 2008: 234].

Что касается связок 3 лица, А. А. Зализняк отмечает, что «связки 3-го лица, как и прочие, могут выступать в позициях, недопустимых для энклитик, причем в 3-м лице это случается гораздо чаще, чем в 1-м и 2-м» [Зализняк 2008: 236]. Это обстоятельство, наряду с некоторыми другими, подталкивает его к следующему заключению: «Общий вывод очевиден: связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик» [Зализняк 2008: 238].

Приведенный выше обзор раздела, посвященного поведению связок, показывает, что предложенная А. А. Зализняком модель не объясняет всех случаев размещения связки в клаузе (в ряде случаев объяснения сформулированы как весьма гадательные, ср. приведенное выше рассуждение, что сочинитель или переводчик, вероятно, пытались представить себе звучание фразы). Поэтому мы полагаем, что исследование А. А. Зализняка не отменяет возможности поиска альтернативных факторов (помимо акцентных), влияющих на выбор позиции связки. Предметом анализа в данной статье является позиция вспомогательного глагола перфектных форм, которая, на наш взгляд, связана с прагматическими факторами, а именно, с различным типом фразового фокуса.

В модели А. А. Зализняка понятие фокусного выделения обсуждается предельно кратко, применительно к понятию *факультативного ритмико-синтаксического барьера* (под барьером понимается такое место во фразе, которое предполагает паузу — тем самым в акцентном отношении оно приравнивается к началу клаузы). Так, А. А. Зализняк указывает, что «[в] отличие от обязательных барьеров, факультативный барьер возникает не автоматически. Он представляет собой просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы (или хотя бы его ритмического отделения от последующего текста). Такое выделение всегда предполагает соответствующую интенцию говорящего, а ее, разумеется, может и не быть. Соответственно, одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него.

Общий принцип состоит в том, что фразы без барьера предполагают сообщение без каких-либо специальных выделений или

подчеркиваний, тогда как наличие барьера говорит о том, что начальное слово (или словосочетание) в какой-то степени выделено» [Зализняк 2008: 55–56].

Ниже мы попытаемся показать, что в действительности расположение вспомогательного глагола в перфекте в значительной степени предопределяется наличествующими во фразе прагматически выделенными компонентами. Очевидно, что такое прагматическое выделение должно иметь своим коррелятом определенные акцентные структуры, и, таким образом, оно не противоречит понятию ритмико-синтаксического барьера. Скорее мы предполагаем, что проведенное исследование прагматики перфектных форм с различной позицией вспомогательного глагола позволит уточнить условия реализации «факультативных» ритмико-синтаксических барьеров в конструкциях с перфектом, так как в книге А. А. Зализняка это подробно не анализируется.

3. Перфектные формы в ПВЛ: анализируемые контексты и статистика

Национальный корпус русского языка позволяет получить следующую статистику употребления перфектных форм в ПВЛ (найденные в результате автоматического поиска данные были также перепроверены вручную)¹.

Следует также затронуть вопрос о том, не коррелирует ли употребление / неупотребление вспомогательного глагола с наличием / отсутствием в контексте эксплицитного указания на лицо субъекта. По этому поводу М. Н. Шевелева [2007: 218–219] пишет следующее: «Бывшее причастие в живом древнерусском языке уже превратилось в претерит, никакой связи перфекта не существует: в 3-м лице она отсутствует материально, в 1 и 2 лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица [Хабургаев 1978; Зализняк 2004: 179; Шевелева 2002: 61]». Действительно, в этом случае вспомогательный глагол не имел бы иной функции, кроме указания на лично-числовые характеристики субъекта, и вряд ли было бы возможно говорить об особых прагматических

¹ Ввиду того что опущение связки часто связывается с контекстом 3-го лица (что для рассматриваемых текстов не вполне точно), данные по перфектным формам 3-го лица в таблице для наглядности приводятся отдельно от данных по перфектным формам 1-го и 2-го лиц.

Таблица 1. Перфектные формы в ПВЛ
Table 1. Perfect forms in Rus' Primary Chronicle

	лицо глагола	всего	с препозицией / постпозицией вспомогательного глагола	всего
Перфект со вспомогательным глаголом	1-е и 2-е лицо	56	препозиция вспомогательного глагола	86
	3-е лицо	70	постпозиция вспомогательного глагола	40
Перфект без вспомогательного глагола	1-е и 2-е лицо	6		
	3-е лицо	74		

функциях конструкций со вспомогательным глаголом. Тем не менее, по крайней мере для ПВЛ, ситуация несколько отличается от описанной М. Н. Шевелевой²: в ПВЛ перфекты со вспомогательным глаголом употребляются в контексте местоимений (а в 3-м лице, естественно, и полнозначных существительных), позволяющих однозначно определить лично-числовую характеристику субъекта предикации. Тем самым, нельзя предполагать, что функции вспомогательного глагола в перфектной конструкции в ПВЛ однозначно сводятся к лично-числовому маркированию. Ниже в (1)–(3) приводятся примеры контекстов, где наличие вспомогательного глагола в перфектной конструкции было бы излишним, если бы его функцией было только лично-числовое маркирование субъекта предикации:

- (1) **вы** первѣ мене побѣдили есте
‘Когда-то **вы** победили меня’³.
- (2) **ты** еси прислалъ к намъ
‘**Ты** сам прислал к нам’.

² Во всяком случае, если описывать процесс редукции функций вспомогательного глагола до аналога лично-числового показателя в более строгих терминах, предложенных в [Петрухин, Сичинава 2008]: «процесс можно считать завершенным, если связка находится в отношениях дополнительного распределения с личными местоимениями, т. е. если возможно *я даль* или *есть даль*, но не *я есть даль*» [Петрухин, Сичинава 2008: 231].

- (3) ти бо сѹть намолвили дѣдѣ
‘Они подговорили Давыда’.

Перфект со вспомогательным глаголом в ПВЛ может употребляться в следующих типах дискурсивных фрагментов:

а) в нарративе:

- (4) по разрушени же столпа и по раздѣлении ѧзыкъ. приаша сѣве симовы възстосточныа страны [а хамовы же сѣве полу[–]ныа страны] афетови же сѣве западъ приаша. и полунощныа страны. ѿ сихъ ж(е) ѿ. и дву ѧзыку. вы(с) ѧзыкъ словенскъ. ѿ племени же афетова. нарѣ[ц]аемѣи норци. иже сѹть словенѣ. по мнозѣхъ же временѣхъ. сѣлѣ сѹть словени. по дунаеви. кде есть ннѣ оугорскаяа земля. и болгарскаяа. ѿ тѣхъ словенѣ. разидошася по земљи. и прозвасяа имены своими. кдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.
‘По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели’.

б) в авторском комментарии:

- (5) и ѿтолѣ начаша звати [и] монастырь. печерьскыи. имже бѣша жили черньци преже в печерѣ. и ѿ того прозваса. печерьскыи монастырь есть же печерьскыи монастырь. ѿ блг(с)вниа сѣна горы пошелъ.
‘И с той поры начался Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основался же монастырь Печерский по благословению Святой Горы’.

в) в диалоге:

- (6) ѡни же ркоша что сѹть вдалѣ
‘Опять спросили те: «А что дали?»’

В статье будут рассмотрены только случаи употребления перфекта в диалоге.

4. Конкуренция аориста и перфекта

Перфекты со вспомогательным глаголом могут передавать следующую собственно аспектуальную семантику: значение результивного перфекта ('результат ситуации в прошлом релевантен для настоящего момента') — (7) либо значение экспериенциального, или, иначе, экзистенциального⁴, перфекта ('ситуация имела место по меньшей мере один раз в прошлом, и это релевантно для настоящего момента') — в (8) сказано, что опыт говорящих таков, что прежде они ничего подобного не слышали:

- (7) мы же зло створили есмы. княжа своего прогнавшє. а се ведеть на [ны] землю лядьскую.
'Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю'.
- (8) дивно находимъ мы чюдо ново егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ.
'Дивно мы нашли чудо, о котором не слышали раньше'.

Тем не менее, в ПВЛ легко обнаруживаются контексты, где в тех же значениях употребляется основная конкурирующая с перфектом аспектуальная форма — аорист:

- (9) и повѣдаша волѣ. ꙗко древлани придоша. и възва вльга к собѣ. и ре(ч) имъ добръ гостє придоша. и ркоша древланє. придохомъ княгини. и ре(ч) имъ вльга. да глите что ра(д) придостє сѣмо. и ркоша древлани. посла ны деревьск(а)ѣ земля. ркуци сице. мужа твоего оубихомъ. башеть бо мужь твои ꙗко волкъ. възсхыщала и граба. 'И поведали Ольге, что пришли древяне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древяне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?». Ответили же древяне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил»'.

⁴ Понятие экспериенциального перфекта (ссылка на ситуацию в прошлом, входящую в «личный опыт» говорящего, откуда, собственно, и происходит название этой разновидности контекстов), на наш взгляд, уже понятия экзистенциального перфекта (значение которого — акцент на том, что такая ситуация уже имела место по меньшей мере один раз в прошлом).

- (10) глѣте ц(с)рма тако. како азъ крц(с)юса. како испытахъ преже сихъ днии законъ вашъ и есть ми любъ.

‘Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша’.

Таким образом, мы полагаем, что выбор между перфектными и аористными формами не связан с собственно аспектуальным значением перфекта и что необходимо искать другие факторы, регулирующие употребление перфекта. Хотя бы на основании редкости перфекта в сравнении с аористом (в ПВЛ форм перфекта 206, а форм аориста — 4402) можно предположить, что перфект употребляется в каких-то прагматически выделенных контекстах. Как представляется, дальнейший анализ материала позволяет подтвердить эту гипотезу.

5. Перфекты с препозицией вспомогательного глагола в ПВЛ

Перфекты с препозицией вспомогательного глагола употребляются при наличии в предложении непредикатного контрастивного фокуса; в фокусе находится тот элемент фразы, который занимает позицию перед глаголом (изредка — между вспомогательным глаголом и /-причастием смыслового глагола), ср. одинаковый синтаксический (и акцентный) контекст с субъектным местоимением *ты* перед глаголом в (11) с контрастивным фокусом (‘инициатором встречи был ты, а не мы’) и в (12) без него:

- (11) прииде к нимъ Дѣдъ Игоревичъ. и рече имъ на что ма есте привабилн. все есмь. кому до мене вбида. и ѿвѣща к нему Володимержъ. **ты** еси прислалъ к намъ река. хочу братье прийти къ вамъ. и пожаловати своее вбиды.

‘Пришел к ним Игоревич Давид, и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?». И ответил ему Владимир: «*Ты сам прислал* к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды»’.

- (12) и посла Сѣтополкъ. и Володимеръ ко Улгови глѣца сице. се ты не шель еси с нама на поганьгъ. иже погубиша землю Русьскую.
'И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот, ты **не пошел** с нами на поганых, которые губили землю Русскую»'.

Ниже приводятся пары примеров: в примере с номером (N) приводится предложение с перфектной конструкцией с неперидикатным фокусом, находящийся в фокусе элемент выделен курсивом. Синтаксически такой элемент занимает предглагольную позицию и может иметь различную функцию — например, обстоятельства или подлежащего. В примере с дополнительным маркированием знаком апострофа (N') приводится предложение синтаксически сходной структуры: в таких предложениях в предглагольной позиции также находится обстоятельство или подлежащее, однако отсутствие на них фокусного выделения обуславливает иную позицию вспомогательного глагола в перфекте: употребляются перфекты с постпозицией вспомогательного глагола:

— *в фокусе обстоятельство:*

- (13) мнашеса иканьнии. іако здѣ ми есть жилище. *здѣ во не суть оучили агѣли.* ни прѣрци прорекъли.

'«Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо *здесь не учили* апостолы, ибо здесь пророки не **предрекали**»'.

- (13') Сѣтополкъ и Василко поидоста противу вземше хрестъ и Дѣду рѣша на цѣлован *пришеѣ еси.* и реѣ Дѣдъ. *пришелъ есмь.* а с вама хоцю имѣти миръ. и любовь.

'Святополк и Василько вышли против него, взяв крест, и сказали Давыду: «Ты пришел целовать крест?» И сказал Давыд: «Пришел, а с вами хочу иметь мир и любовь»'.

- (14) и нарече имъ іакова прозвутера. братиѣ же нелюбо бы(с). глѣюще іако *не здѣ есть.* постригъльса бѣ во иаковъ. *пришелъ съ лет[ь]* ца. с братомъ. своимъ павломъ. и наѹаша братыа просити Стефа деместьваника. сѹща тогда оученика Федосьева. глѣюще іако *сесь есть възраелъ*

'И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «*не здесь пострижен*». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала

- братия просить Стефана доместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот **вырос** <здесь> под рукой твоей»’.
- (14’) и помыслихъ на землю · ладъскую · наступ[л]ю на зиму ꙗ на лѣто · и возму землю ладъскую и мьцю землю русьскую · и посемь хотѣлъ есмь · перенати болгары · дунаискыя · ꙗ посадити
‘И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя’.
- (15) брата моя. аще есте ѿсюду тѣломъ ѿтошла. то мѣтвою (своею) помозита ми
‘Братья мои! Хотя и отошли вы *телом* отсюда, но молитвою помогите мне»’.
- (15’) ре(ч) же има янь. по истинѣ прельстилъ есть. васъ дьяволъ. которому бѣ вѣруета. она же рекоста антихр[ъ]сту.
‘Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?». Те же ответили: «Антихристу!»’.
- (16) и приде единъ мужъ старъ. к нему. и ре(ч) ему княже. есть оу мене единъ снѣ. дома меншии. а съ четьрми есмь вышелъ.
‘И пришел к князю один старый муж, и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я **вышел с четырьмя**, а он дома остался»’.
- (16’) нынѣ же оувѣдалъ есть князь нашъ. послати грамоту къ цр(с)тву вашему
‘Ныне же **повелел** князь ваш посылать грамоты к нам’.

— в фокусе подлежащее

- (17) и рѣша мужи Володимери и Дѣдви. и Улгови. извѣта ѡ семь не мѣгита. ꙗко Дѣдъ есть слѣпилъ. и не в Давыди градъ ꙗтъъ есть ни вслѣплень. но въ твоємъ городѣ ꙗтъъ и вслѣплень.
‘И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто *Давыд* **ослепил** его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен»’.
- (17’) и влѣзе сотона оу сердце нѣкоторымъ мужемъ. и начаша глѣти. къ Дѣдви Игоревичю. рекуще сице. ꙗко Володимеръ сложилъса есть с Василкомъ. на Сѣполка и на тѣ.

‘И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя»’.

— в фокусе объект

(18) азъ же идохъ к василкови · и повѣдахъ ему всю рѣчь дѣдѣву. ѿн же рече · сего есмь не молвилъ

‘Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил»’.

(18’) ре(ч) же володимиръ нѣм[ц(е)]мъ. идете опать. како ѿци наш(и) сего не приаши суть.

‘Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого»’.

— в фокусе вопросительный элемент⁵

(19) ѿни же ркоша. что суть вдалѣ ѿни же показаша мечъ.

‘Опять спросили те: «А что дали?»» Они же показали меч’.

(19’) показа любовь велику. свершаа а́пла глѣца оутѣшанте печалныа. по истинѣ. аще что створишъ есть на свѣтѣ семь. егеро согрѣшенье ѿдастьса ему. зане положи главоу свою за братъ своего.

‘...показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и **сотворил** он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего’.

В выборке примеров (11)–(19), в противоположность конструкции с препозицией вспомогательного глагола, связанной с непредикатным контрастивным фокусом, конструкция с постпозицией вспомогательного глагола выглядит как прагматически нейтральная. Тем не менее рассмотренные в следующем разделе примеры ее употребления показывают, что это не так.

⁵ В (19) — совпадающее с вопросительным неопределенное местоимение, которое, в отличие от вопросительного местоимения в частных вопросах, не несет на себе фокусного выделения.

6. Перфекты с постпозицией вспомогательного глагола в ПВЛ

Интересно, что употребление перфекта с постпозицией вспомогательного глагола также связано с тем или иным прагматическим выделением, но, если рассмотренные в предыдущем разделе перфекты с препозицией вспомогательного глагола употреблялись в контексте узкого непредикатного фокуса, перфекты с постпозицией вспомогательного глагола употребляются либо в контексте узкого предикатного фокуса, либо в более широком контексте контрастивного сопоставления двух ситуаций.

В примере (20) перфект употреблен в контексте предикатного фокуса: ‘было ли это уже или только должно быть’:

- (20) то в[з] кое время събы(с)тъся се. и было ли се естъ. егда ли топѣрво
хоще(т) быти се.
‘Когда же это сбилось? И **сбылось** ли все это? Или еще только
теперь сбудется?’

В (21) предикатный фокус сопровождается контрастивным сопоставлением двух ситуаций (‘угодил Богу’ vs ‘не угодил Богу’), при этом находящиеся в фокусе противопоставляемые предикаты имеют форму перфекта: трижды — редко употребляемую форму перфекта в будущем, единожды — форму презентного перфекта:

- (21) аще по моему ѿшествию свѣта сего аще буду. бу оугодилъ. и приалъ
ма будетъ бѣ. то по моему ѿшествию монастырь са научеть строити
и прибывати в немъ. то вѣжете яко приалъ ма естъ бѣ. аще ли по моему
животѣ вскудѣвати научеть монастырь. а черноризци потребами
монастырьскими. то вѣдуще будете. яко не оугодилъ буду бу.
‘Если после того, как я покину свет этот, **буду** я Богу **угоден**
и **примет** меня Бог, то монастырь этот начнет устраиваться
и пополняться; так и знайте, что **принял** меня Бог. Если же
по моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами
и монастырскими запасами, то знайте, что **не угодил** я Богу’.

В (22) предикатный фокус также сопровождается контрастивным сопоставлением «неправильной ситуации» и «правильной ситуации»:

- (22) не приимаи же ѿ латынѣ оучениа. ихже оучение развращено. влѣзъше
во въ црквѣ не покланяются иконамъ. но стоа и поклонитъся.
и поклонитъся. и поклонивса напишетъ. кр(с)тъ на земли и цѣлуетъ.

и встанеть. простъ ногама на немь. да легъ цѣлуеть. а вставъ попираеть. сего бо ап(с)ли не предаша. предали суть. ап(с)ли кр(с)тъ поставленъ. цѣловати.

‘Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле, и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что, ложась, целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы **учили** целовать поставленный крест’.

Эта же форма перфекта используется в рестриктивных придаточных, ср. примеры (23) и (24), где в обоих случаях противопоставляются две группы: с одной стороны — те, которые приняли крещение, с другой — некрещеные: те, которые крещены, принимают возмездие за нарушение клятвы от Бога Вседержителя (23) и клянутся церковью Святого Ильи (24), некрещеные за нарушение клятвы караются тем, что им не будет помощи ни от Бога, ни от Перуна (23), а клянутся они своим оружием (24):

(23) иже помыслити ѿ страны рускыа. раздршити такуюю любовь. и елико ихъ сщнение приаши суть. да примуть мѣсть ѿ ба вседѣржителя. осуженіе и на погибель. и в сии вѣкъ и в будущии. а елико ихъ не кр(с)щено есть. д(а) не имуть помощи ѿ ба. ни ѿ перуна.

‘А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые **приняли крещение**, получают возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна’.

(24) мы же елико насъ кр(с)тилиса есмы. кладохса цркъвию стго ильи въ звори[тѣ]и цркви. и пр(е)дълежаши ч(с)тнымъ кр(с)томъ. и харотьею сею. хранити же все еже есть написано на ней. и не преступати ѿ того ничтоже. а вже преступити се ѿ страны нашеа. или князь. или инъ кто. или кр(с)ченъ или не крѣченъ. да не имать ѿ ба помощи. и да будутъ рабѣ в сии вѣкъ и в будущии. и да заколенъ будетъ своимъ оружемъ. а не крѣщении русь. да полагають щиты своа и мечи свои нагы. и шеручи свои. и прочаа оружыа. и да клѣнутьса во все(м) ‘Мы же, те из нас, кто **крещен**, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать

из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, — да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться’.

В (25) перфект также используется при контрастивном сопоставлении, обсуждается различное имущественное положение двух дружин, дружина князя Игоря жалуется ему на бедность, приводя в пример обогатившуюся дружину Свенельда:

(25) ѡтроци свѣнде(л)жи изоудѣлѣса сѹть ѡружьемъ и порты. а мы нази.

‘Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги’.

В (26) сопоставляются две симметричные ситуации (приведение к присяге двух сторон договора):

(26) твои сли водили сѹть ц(с)ра наше(г) ротѣ. и насѣ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихѹ

‘Твои послы приводили к присяге наших царей, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей’.

В (27) сопоставляются две ситуации, прошедшая и текущая, а именно, описывается замена одного обычая другим: удостоверяющие печати послов и купцов заменяются верительными грамотами:

(27) ношахѹ слы печати зла(т). а гостие серебряны. нынѣ же оувѣдалѹ естѣ князь нашѣ. посылати грамотѹ кѣ цр(с)тѹ вашему

‘Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же **повелел** князь ваш посылать грамоты к нам, царям’.

В (28) также сопоставляется ситуация в прошлом с текущей ситуацией: старец Исакий говорит бесам, что прежде они победили его, явившись ему в образе ангельском, которого они недостойны, а теперь (когда они признали его победу), они являются в мерзком и злом обличье, каковы они и есть на самом деле:

(28) вы перѣте мене повѣдили естѣ. въ ѡбразѣхъ і(с)сѣ х(с)ѡѣ. и въ анг(с)комѣхъ недостойнѣхъ сѹще того видѣнниа. (то)первое ѡвластеса. въ ѡбразѣхъ

звѣриномъ. и скотъемъ. змиами и гадомъ. ациже и сами быстѣ. сквѣрни
зи въ видѣньи.

‘[И не могли ему ничего сделать, и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал:] «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид»’.

В (29) сопоставляется текущая и будущая ситуация: на вопрос печенежского князя встреченному им воину, не является ли тот самым князем Святославом, воевода Претич отвечает, что он — его подданный, и он-то пришел только с передовым отрядом, а вот уже за ним следом идет бесчисленное войско (что было хитростью, так как у Претича были все наличествовавшие на тот момент силы, и подкрепления ждать было неоткуда):

(29) рѣ(ч) князь печенѣжскыи. а ты князь ли еси. ѡнъ ж(ѣ) рѣ(ч) азъ
ѣсмь мужъ е(г). и пришелъ ѣсмь въ сторожехъ. а по мнѣ идетъ вои
вещисленное множество.

‘Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, **пришел** с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество»’.

В (30) также сопоставляются две ситуации, Святополк и Владимир упрекают Олега в излишних симпатиях к половцам, припоминая ему и прежние, и нынешние проступки:

(30) и посла стѣполкъ и володимеръ ко ѡлгови глаголюще ꙗко се ты не шель еси
с нама на поганыхъ иже погубиша землю русьскую а се оу тебе есть итларе-
вичъ любо оуби любо даи нама то есть ворогъ нама и русьской землѣ
‘И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не **пошел** с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле»’.

В (31) также происходит сопоставление двух ситуаций с фокусом на предикате: принявшая крещение Ольга высказывает патриарху опасения по поводу того, что и сын ее, и все подданные — язычники, на что патриарх отвечает ей, что поскольку она крестилась в Христа,

Христос защитит ее от всякого зла (заметим, что здесь не узкий не-предикатный фокус, при котором ожидалась бы конструкция с препозицией вспомогательного глагола *‘крестилась именно в Христа, а не в какую-либо иную религию’, но предикат входит в фокус ‘поскольку ты приняла Христово крещение, Христос тебя защитит’):

- (31) она же хотачи домови. приде къ патриарху. блг(с)вниа просаци на домъ. и ре(ч) ему люд(д)е мои погани и снъ мои. да бы ма бѣ съблюлъ ѿ всакого {зла}. и ре(ч) патриархъ чадю вѣрное. въ х(с) а крѣстиласа еси и въ х(с)а облечеся. и х(с)ъ съхранитъ та.
‘Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадю верное! В Христа ты крестилась и в Христа облелась, и Христос сохранит тебя»’.

Сопоставление двух ситуаций представлено и в примере (32), где вторая ситуация рассматривается как возмездие за первую:

- (32) мы же зло створили есмы. князя своего прогнавшѣ. а се ведеть на [ны] землю ляддскую.
‘Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю’.

В примерах (33) и (34) перфект употребляется при описании некоторой «эталонной» ситуации, которая должна повториться при определенных условиях; очевидно, что такие контексты также подразумевают сопоставление двух ситуаций с прагматическим выделением «эталонной» ситуации:

- (33) аще ли створить то же грѣ(ч)(и)нъ русину. да приме(т) ту же казнь. ѿкоже пр(и)чалъ естъ онъ.
‘И если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот’.
- (34) прими млтвѣу мою. ꙗ даи же ми смѣрть такую ѿкоже вдалъ еси брату моему борису и глѣб[о]ви. ѿ чужюю руку.
‘Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как <дал> и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки’.

Перфект со связкой также употребляется в контекстах, в которых в современном русском языке уместно употребить ‘уже’ для

усиления ассертивности, ср. (35)–(39) ниже. В (35) Ольга (притворно) опровергает опасения древлян, что она хочет их покарать за смерть мужа, говоря, что она уже отомстила им:

(35) древлани же рькоша. ради быхомъ са гали по дань. но хощеши мыцати мужа своего. ре(ч) же имъ вльга. како азъ оуже мстила есмь мужа св(о)свое(г).

‘Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что «я уже **мстила** за обиду своего мужа»’.

В (36) древляне спрашивают Игоря, зачем он опять идет к ним с дружиной после того, как уже собрал с них всю дань (и впоследствии убивают не внявшего их справедливым укорам Игоря):

(36) почто идеши впать. поималъ еси вьсю дань
‘Зачем идешь опять? **Забрал** уже всю дань’.

В (37) цитируются слова Василька, обращенные им перед битвой к ослепившему его Святополку:

(37) взалъ еси зракъ [оу] ме(н) вѣью мою а се ннѣ вѣати хощеши дшю мою
‘Вот сперва **отнял** ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою’.

Предыстория событий, описанных фрагментом в (38), такова: старец Исакий, затворившийся в пещере, не распознал бесовского наваждения и, забыв перекреститься, поклонился бесам, явившимся ему в образе ангелов и Христа. После этого он долго болел, а когда пришел в себя, опять вступил в противостояние с бесами. Старец говорит дьяволу, что уже поддался на его искушение, когда затворился в пещере, и поэтому теперь он больше не будет вести затворническую жизнь, а должен победить дьявола, находясь в монастыре:

(38) се оуже прельстилъ ма еси дьаволе съдаща (на) единомъ мѣстѣ а оуже не имамъ. затворитиса в пещерь. но имамъ та повѣдити. входа в монастырь

‘Ты уже было **прельстил** меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю’.

Бесы, со своей стороны, всячески вредили старцу и повторяли ему, что он принадлежит им, потому что однажды уже поклонился их старейшине и им, ср. (39):

(39) и многажды вѣси пакости дѣаху. и глѣаху ему и нашъ еси поклонилъса еси нашему старѣишине и намъ.

‘Много раз бесы пакостили ему и говорили: «Наш ты и **поклонился** нашему старейшине и нам»’.

В (40) представлено значение, которое метафорически можно назвать фокусной экзистенциальностью (‘Были три брата...’); в (40) цитируется начало ответа на вопрос о том, кто основал Киев:

(40) и възпрошаста ркуцѣ. чии се городъ. ѡни же ркоша была суг(т) три братъа. кии. щекъ. хоривъ. иже сдѣлаша г(р)о(о)дъ сии. и изъгыбоша. ‘И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «**Были** три брата — Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули»’.

Перфект с постпозицией вспомогательного глагола также употребляется при предикатном фокусе в контекстах со значением ‘что случилось с субъектом’, ср. примеры (41)–(44). В примере (41) приведен известный диалог вернувшегося из похода Олега с конюхом о судьбе коня, от которого ему было предсказано умереть:

(41) кд(є) естъ конь мой егоже вѣхъ поставилъ. кормити и блюсти его. ѡнъ же р(є)ч(ѣ) оумерлъ естъ.

‘«Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «**Умер**»’.

В (42) старец после видения о том, что по монастырскому двору прошла толпа, и некто, ехавший в ней верхом на свинье, сказал, что они пришли за Михалем Тольбековичем, спрашивает, в келье ли Михаль, и ему отвечают, что после заутрени тот перескочил через ограду:

(42) иди възпроси естъ ли михаль в кельи. и рѣша ему тако **выскочилъ естъ** чресъ столпѣ по завѣтрѣнии

‘«Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что «давеча, после заутрени, **перескочил** через ограду»’.

В (43) описано другое видение того же старца: стоя на заутрене, он поднял глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и увидел,

что на месте игумена стоит осел, и потому он понял, что игумен еще не встал:

- (43) и видѣ осла стоѧща на игумени мѣстѣ. и разумѣ ꙗко не вьсталъ естъ игуменъ
‘И видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что **не вставал** еще игумен’⁶.

Наконец, в (44) рассказывается, как Исакий (уже упоминавшийся в (38) и (39)) затворился у Антония в пещерах, в малой келейке, и Антоний подавал ему по утрам через день еду — одну просфору — через такое малое окно, что можно было только руку просунуть. И однажды утром (после того, как Исакий поддался на бесовское искушение) Антоний пришел к келье Исакия и многожды звал его, но ответа не было, и Антоний сказал, что Исакий преставился:

- (44) заоутра же бывши свѣту. и припѣвшю вкушению хлѣба. и приде антонии къ концу по вьыгудю. и глѧ блг(с)ви ѡ[҃]е исакье. и не вы(с) гл(с)а ни послушаниа. и многожды глѧ антониини. и не вы(с) ѡвѣта. и глѧ антонии се оуже ꙗко **преставилъса естъ**.
‘На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Господи, благослови, отче Исакий». И не было ответа; и сказал Антоний: «Вот, он уже **преставился**»’.

7. Выводы

Таким образом, оказывается, что перфект со связкой в ПВЛ достаточно устойчиво ассоциирован с фокусным выделением. Именно это, на наш взгляд, противопоставляет перфект аористу. Вместе с тем при употреблении конструкции с препозицией вспомогательного глагола в предложении всегда наличествует узкий непредикатный фокус с вынесением фокусируемого элемента в препозицию к связке (в единичных примерах фокусируемый элемент занимает позицию между вспомогательным глаголом и *l*-причастием основного глагола). Напротив, употребление перфекта с постпозицией

⁶ В (43) представлен контекст не собственно прямой речи, но близкий к нему контекст, в котором перфектная конструкция находится в клаузе, подчиненной предикату ментальной деятельности (что по сути близко к внутренней речи).

связки достаточно устойчиво ассоциировано с предикатным фокусом (либо с более широким фокусом с контрастивным сопоставлением перфектной ситуации с какой-либо другой ситуацией): из имеющихся в ПВЛ в диалогическом регистре 49 употреблений перфекта со вспомогательным глаголом в постпозиции близкий контекст позволяет надежно атрибутировать 30 как представляющие предикатный или более широкий фокус; в других примерах прагматическое выделение ситуации, вероятно, может обосновываться более широким контекстом, однако в работе мы ограничились рассмотрением только наиболее показательных примеров.

Насколько такое поведение связки является типологически естественным? На первый взгляд, приведенные закономерности кажутся необычными: в описаниях древнерусского перфекта часто встречаются рассуждения о его результативной семантике (в противопоставлении аористу), а в описаниях древнерусских энклитик акцент, напротив, обычно делается на морфосинтаксические, а не семантические правила их употребления. Вместе с тем, противоречия известным в русистике и в типологии данным, на наш взгляд, здесь нет — скорее, мы лишь предлагаем взглянуть под несколько другим углом на совокупность имеющихся фактов.

Действительно, древнерусский (и старославянский) перфект никогда не относился к прототипическим категориям с результативной семантикой: относительно старославянского языка указания на это содержатся, например, уже в раннем исследовании И. К. Буниной [1959], и сегодня можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что древнерусский и старославянский перфекты не выражали результативность в качестве своего основного значения (см. подробную аргументацию в наших работах [Плунгян, Урманчиева 2017; 2018]). Маркирование коммуникативной структуры высказывания наряду с выражением специфических видовременных значений — гораздо более предпочтительная альтернатива для адекватного представления употребления перфектных форм во всех имеющихся контекстах. Поддерживает такую интерпретацию и аналитическая природа этих форм. В типологии широко известны механизмы использования энклитических компонентов аналитических форм глагола (по преимуществу, грамматикализованных связочных элементов) для маркирования коммуникативно выделенных элементов предложения: о таких структурах в разных языках см., например, [Kazenin 2003; Сумбатова 2004; Onea, Zimmermann 2011;

Семёнова 2014] и мн. др. Новой здесь является, по существу, только гипотеза о существовании аналогичной техники и в древних славянских языках.

Литература

- Бунина 1959 — И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 13–56.
- Плунгян, Урманчиева 2018 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К типологии нерезультативного перфекта (на материале старославянского языка) // Slavistična revija. 2018. Letn. 66. Št. 4. С. 421–440.
- Семёнова 2014 — Кс. П. Семенова. Фокусное маркирование в современном восточноармянском языке «на дагестанском фоне» // Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 407–429.
- Сумбатова 2004 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // В. С. Храковский и др. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 487–504.
- Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1978. № 4. С. 42–53.
- Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола быти по данным древнерусских памятников // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2002. № 5. С. 55–72.
- Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Kazenin 2003 — K. I. Kazenin. Focus in Daghestanian and word order typology // Linguistic Typology. 2003. Vol. 6. Iss. 3. P. 289–316.

Onea, Zimmermann 2011 — E. Onea, M. Zimmermann. Focus Marking Strategies and Focus Interpretation // *Lingua*. 2011. Vol. 121. Iss. 11. P. 1651–1766.

References

- Bunina 1959 — I. K. Bunina. Sistema vremen staroslavjanskogo glagola [Tense system of Old Church Slavonic verb]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959.
- Kazenin 2003 — K. I. Kazenin. Focus in Daghestanian and word order typology. *Linguistic Typology*. 2003. Vol. 6. Iss. 3. P. 289–316.
- Khaburgaev 1978 — G. A. Khaburgaev. Sudba vspomogatelnogo glagola drevnix slavjanskix analiticheskix form v russkomazyke [The history of verbal auxiliary of old Slavic periphrastic forms in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9, Filologiya. 1978. No. 4. P. 42–53.
- Onea, Zimmermann 2011 — E. Onea, M. Zimmermann. Focus Marking Strategies and Focus Interpretation. *Lingua*. 2011. Vol. 121. Iss. 11. P. 1651–1766.
- Petrukhin, Sichinava 2008 — P. V. Petrukhin, D. V. Sichinava. Yeshche raz o vostochnoslavjanskom sverkhslazhnom proshedshem, plyuskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstruktivnykh [East Slavic “super-compound” past, pluperfect and modern dialectal constructions revisited]. *Russkijazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 1 (15). P. 224–258.
- Plungian, Urmancieva 2017 — V. A. Plungian, A. Yu. Urmancieva. Perfekt v staroslavjanskom: byl li on rezultativnyj? [Perfect in Old Church Slavonic: was it resultative?]. *Slověne*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 13–56.
- Plungian, Urmancieva 2018 — V. A. Plungian, A. Yu. Urmancieva. K tipologii nerezultativnogo perfekta (na materiale staroslavjanskogoazyka) [Towards the typology of non-resultative perfect: case study of Old Church Slavonic]. *Slavistična revija*. 2018. Vol. 66. No. 4. P. 421–440.
- Semyonova 2014 — Ks. P. Semyonova. Fokusnoe markirovanie v sovremenom vostochnoarmjanskomazyke «na dagestanskom fone» [Focus marking in Modern Eastern Armenian “against the Daghestanian background”]. *Yazyk. Konstany. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgenievicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memory of Aleksandr Evgenievich Kibrik]. St. Petersburg: Aleteya, 2014. P. 407–429.
- Sheveleva 2002 — M. N. Sheveleva. Sudba form prezensa glagola byti po danym drevnerusskix pamyatnikov [The history of the present-tense forms of the verb byti ‘be’ according to Old Russian written sources]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9, Filologiya. 2002. No. 5. P. 55–72.
- Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkij plyuskvamperfekt» v drevnerusskix pamyatnikakh i sovremennykh govorakh [“Russian pluperfect” in Old Russian written sources and in modern dialects]. *Russkijazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). P. 214–252

- Sumbatova 2004 — N. R. Sumbatova. Kommunikativnye kategorii i sistema glagola (o nekotorykh tipologicheskikh osobennostyakh dagestanskogo glagola) [Communicative categories and verbal system (on some typological peculiarities of Daghestanian verb)]. V. S. Khrakovsky et al. (ed.). *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 years of the St. Petersburg typological school]. Moscow: Znak, 2004. P. 487–504.
- Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. Drevnerusskie enklitiki. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008.